

Василий

ЗИКЕЕВ

БЛОКАДНИК

Рассказы

1. В кольце блокады

Многие ленинградцы, и прежде всего военные, следящие за обстановкой в мире, с тревогой понимали, что мир втягивается в очень опасные авантюры. В Европе гитлеровская Германия разжигает костёр, у которого, возможно, придётся, обжигаясь, погреться и нам. Мы, мальчишки нашего дома, и краешком мысли не думали, что немцы нападут на наш могучий Советский Союз. По радио передавали боевые песни:

Если завтра война, если завтра в поход,
Если тёмная сила нагрянет...

Была и другая песня:

Затрубили трубачи тревогу.
Всем к походу к бою снаряжен,
Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон...

Так подошёл июнь 1941 года. Был солнечный день, тепло, хорошо как всегда.

Но вот по радио прозвучало слово «война». Немецкие войска перешли советскую границу, стремительно продвигаются вглубь страны. Самолёты бомбят наши города и сёла. Души ленинградцев охватила тревога. Люди зашевелились подобно потревоженным муравьям. На город начались налёты немецких самолётов. Разрушения. Пожары. Первые жертвы.

В нашем доме на чердаках начали ломать сараи, которые жителями использовались для сушки белья. В сквере под окнами копали бомбоубежище. Двери на чердак на замок не закрывались, и мы, ребята, стали залезать на крышу дома. Отсюда мы наблюдали вдалеке столбы дыма. Это горели продовольственные Бадаевские склады и завод «Красный нефтяник», где хранились запасы горючего. Немцы, наверно, знали, что они не были надёжно укрытыми и защищенными.

В то время чувства тревоги и опасности у меня не было. Они появились позднее, когда недалеко от нас немцы днём разбомбили школу, где находился госпиталь. Я во дворе колол дрова, и от сильного взрыва и испуга уронил на ногу топор.

В семье каждый из нас был занят своим обычным делом. Отца в армию пока не призывали.

Однажды немцы вечером пытались сжечь «Дом печатников», который был за сквериком через дорогу. Помню яркую вспышку и шипение зажигательной бомбы, упавшей на асфальт, но быстро погашенной дружинниками. Очень часто раздавались сигналы воздушной тревоги, подаваемые по радио с последующим стуком метронома. По окончании тревоги звучал «отбой воздушной тревоги». Подвалов в нашем доме не было, и мы в первые дни укрывались в подворотнях. Потом просто никуда не выходили, презирая опасность.

Днём девушки в военной форме и солдаты проносили по городу огромные аэростаты заграждения от немецких самолётов. Ночью при налётах по небу шарили лучи прожекторов, били зенитки. И тогда было слышно, как на асфальт шлёпались осколки снарядов... Было тревожно, но паники в городе не было. 8-го сентября 1941 года немцы в истоке Невы захватили г. Шлисельбург и замкнули кольцо блокады на долгие 872 дня.

В Ленинград организовать оборону города из ставки прилетел генерал Жуков. Он сменил неспособного это сделать Ворошилова.

Жуков жестко начал создавать систему обороны. Он сменил начальника штаба фронта. На оборону Пулковских высот, от стойкости которых зависела судьба города, направил другого, более опытного, обстрелянного генерала. Создал гибкое управление артиллерией фронта, в том числе – кронштадтских кораблей. Снял с позиций пушки, охранявшие мосты, и направил их на танкоопасные направления. Но самое главное: он вдохнул в души ленинградцев уверенность в победе. Город, ни при каких обстоятельствах, даже при штурме немецкими войсками, не должен быть сдан врагу! Всё это я вычитал в книге начальника инженерных войск города – Бычевского, хорошо знающего положение дел.

Жуков был в городе всего 39 дней. И когда разведка доложила, что немцы грузят на железнодорожные платформы танки и артиллерию, стало ясно, что штурм города не будет. По плану «блиц-крига» немцы намеревались взять Москву до Нового 1942 года, где и понадобилось вооружение с Ленинградского фронта.

Жуков тотчас об этом доложил в Ставку и был немедленно отозван для организации обороны столицы. Командующим Ленфронта был назначен генерал Хозин, позднее заменённый генералом Говоровым.

Ленинград приковал к себе целую армию немецких войск, которые могли бы участвовать в штурме Москвы. Но этих-то сил под Москвой немцам и не хватило. Иначе там всё могло быть совсем по-другому.

Ленинградцев немецкий штаб решил сломить голодом, бомбежками, обстрелами из дальнбойной артиллерии. Питерцы тысячами умирали от голода и погибали от обстрелов, но город врагу не сдали. Эта героическая оборона – величайший вклад питерцев в общую Победу нашего народа!

Дорогой читатель, описываю это подробнее, чтобы ты мог лучше представить себе обстановку, в которой мы тогда находились.

Через лес и болота в короткий срок ленинградцы проложили железную дорогу к Ладожскому озеру. Далее путь на Большую землю лежал по озеру, по открытой воде на судах, зимой – по окрепшему льду. Таким путём были спасены многие тысячи питерцев и важные ценности, а в город доставлялись боеприпасы и продовольствие. Эта дорога по Ладоге народом была названа «Дорогой жизни».

Но я отвлекся от описания жизни в городе. Однажды в конце сентября (было холодно, но снега ещё не было) я проснулся от сильного грохота. Было темно, хрустело битое стекло. Отец, положив под ноги одеяло, подошёл к двери и пытался её открыть. Дверь заклинило. Окно, мне показалось, было распахнуто. В нём не было стёкол: их выбило взрывной волной.

– Папа, зажги свет, почему темно?

– Тише, сынок. Наш дом разбомбили.

Кое-как отец приоткрыл дверь, я пролез в щель и на кухне через выбитое окно спустился в сквер. В конце дома на Гисляровском проспекте были слышны глухой шум и отдельные выкрики. Я прошёл туда и в темноте увидел суетящихся людей. Они что-то выносили на носилках и укладывали на землю, закрывая простынками. Это были тела людей, погибших при бомбежке. По трамвайным путям шумно бежала вода – был повреждён водопровод.

На меня цыкнули:

– Тебе что тут надо? Марш отсюда!

Дома я усидеть не мог. Вышел на Большую Зеленину, увидел вдалеке зарево от пожара, и меня потянуло туда. Подойдя к Парку Горького (Госнардом), я увидел, как горел стеклянный театр и американские горки. Здесь мы катались когда-то. Рядом с театром горели деревья. Они казались золотыми: горели ствол и каждая веточка. Было красиво и тревожно. В тот вечер в зоопарке при бомбёжке был убит слон. Война была рядом.

Днём отец заколотил окно фанерой, оставив только одну стеклянную шибку. В комнате стало сумрачно, как в пещере.

Утром выяснилось, что возле нашего дома немцы сбросили четыре фугаски. Ни одна из них в наш дом не попала. Моя бывшая школа была превращена в руины. По диагонали перекрёстка, где была керосиновая лавка, отвалился угол до самого низа. Были повреждены водопровод и трамвайные пути. Во флигеле нашего дома, обращенного к месту взрывов, выбило оконные рамы и кое-где двери. Были жертвы. Жить там было невозможно, и оставшихся в живых людей куда-то переселили. Квартиры опустели. Позднее я сюда приходил на чердак с ножовкой в поисках чего-нибудь из древесины и топил дома голландскую печку. При этом кипятил в кружке воду. Это было моей святой обязанностью – создавать в комнате тепло.

Как-то незаметно жить становилось всё тяжелее. Норму продовольствия по выданным ранее карточкам урезали несколько раз. Потом по ним стали продавать только пайку хлеба.

Карточки были трёх видов: для рабочих, служащих и иждивенцев. Я как студент получал карточку служащего.

Похолодало, выпал снег. Однажды пришла повестка: отцу явиться на призывной пункт в Доме промкооперации.

Проводить отца на фронт мы пошли с Анной Георгиевной, моей мачехой. В призывном пункте отец сказал: «Подождите меня здесь, я на минутку выйду к вам». Зашёл за перегородку, за которой сидел солдат.

Прошёл час и ещё час. Отец не вышел. Так я его больше никогда не видел. Остался только его вид на фотокарточке, да его добрая мужская ласка – сынок. Я очень горевал – ну почему отец не вышел проститься? Я пробовал его искать по некоторым казармам, но безрезультатно. Остались в квартире мы втроём: дед

Филипп, Анна Георгиевна и я. Понимал ли я тогда свою обреченность? Наверно, понимал, но страха в душе почему-то не было.

Помнится самый трудный период жизни, когда из-за повреждения водопровода при бомбежке на хлебозаводе хлеб не выпекался. И тогда по карточкам выдавалась мука в половинном весе. Но что можно было сделать с этой порцией муки в маленьком кулечке, да ещё при отсутствии в доме воды? Правда, Анна Георгиевна изредка приносила буханку хлеба из булочной, где она работала в то время.

Бомбёжки, обстрелы – всё это ничтожно по сравнению с железными тисками голода, которые сжимались всё сильнее.

Однажды дед попросил меня погреть его у печки. Я посадил его на стул спиной к теплу. Дед вдруг наклонился и стал падать. Я едва успел его подхватить. Он был в обмороке. Я очень испугался и уложил его на диван. Он снова пришёл в сознание.

Не знаю почему, но он больше недели ничего не ел, только просил тёплой воды. Возможно, он свой кусочек хлеба отдавал мне. Милый дедушка, если это так, то спасибо тебе за эту жертву!

Однажды ночью он закричал, пытался что-то сказать. Речь его была непонятной. Утром его не стало. Я зашил его в старенькое зелёное одеяльце и на саночках отвёз на улицу Глухая Зеленина, где за забором завода «Вулкан» собирали умерших ленинградцев. Простился с ним: «Боже, прими и упокой его добрую душу, он это заслужил».

Ушёл из жизни не просто мой дед Филипп – не стало родоначальника большой семьи его потомков, и ныне продолжающих род.

Я очень ослаб и на улице боялся упасть потому, что было трудно подняться. Но все же я ездил на Неву за водой, которую набирал из широкой проруби (не помню, чем), наполнял выварку для стирки белья, установленную на саночках. Осторожно привозил домой.

Те дни могли быть для меня последними. Но я остался жив!

Своей жизнью я обязан отцу моего друга Славы Терехова – Василию Ивановичу. Дело было так. Студенческие карточки нам выдавались в техникуме на Выборгской стороне. Идти туда надо было пешком – трамваи не ходили. Пойти туда одному – можно было не вернуться. Поэтому мы со Славой ходили только вдвоём. Помню, что во время последнего похода был очередной артобстрел города. Снаряды летели вверх над нами и создавали шуршание, похожее на шелест листьев при ветре. Но страшно не было.

В конце октября я зашёл к Славе домой, чтобы идти за карточками. Отец Славы был дома. Он спросил:

– Василек, а как ты живёшь?

Я сказал, что дед умер, а отец ушёл на фронт.

– А с кем ты остался?

– С мачехой, Анной Георгиевной.

– Да, дела твои неважные. Знаешь что? Поступай-ка ты в артспецшколу.

– А где это?

И Василий Иванович мне подробно объяснил и добавил:

– Сходи туда обязательно, не откладывай!

Седьмая артспецшкола размещалась на Большом проспекте в доме над гастрономом, на верхних его этажах. Здесь учились ребята с 8-го по 10-й класс. Это

была первая ступень по подготовке офицерских кадров для постоянной службы в армии. Когда-то такие школы назывались кадетскими училищами.

В кабинете директора спецшколы меня принял Сабуров Фёдор Фёдорович. Он был небольшого роста, плотненький, со спокойным, чуть хрипловатым голосом. Он подробно расспросил меня о жизни, об учёбе и сказал:

– Будешь учиться у нас. Напиши заявление, обязательно укажи об успехах в школе.

Так я стал учащимся 3-го взвода 7-й артспецшколы. В каптерке я получил шинель и шапку. Начались занятия. Были уроки и даже контрольные работы. Но из-за холода в помещениях и истощения ребят и преподавателей занятия проводились вяло.

Главное для нас – рацион питания. По ленинградским меркам он был очень приличный. Мы получали в сутки 250 граммов хлеба (норма рабочего), тарелку горячего супа из дрожжей, чуть больше ложки каши, кусочек сливочного масла, два или три кусочка пилёного сахара и котлетку весом ровно 42 грамма. И в завершение что-то похожее на чай. Питались один раз в день. Рацион, как говорится, не умрёшь, но жить захочешь.

Я расценил питание как шикарное: жить можно!

Несмотря на тяготы немецкой блокады (голод, холод, артобстрелы, бомбёжки сократились), отсутствие света и воды (ездили на Неву), гибель родных и близких, жизнь и борьба ленинградцев продолжалась. После войны подвиг ленинградцев назовут героическим.

2. По Дороге жизни

Пришёл холодный снежный февраль 1942 года. В начале месяца нам объявили, что шестого числа спецшкола из Ленинграда будет эвакуирована. Надо быть готовыми.

Руководством осаждённого города было принято решение эвакуировать по льду Ладоги на Большую землю все спецшколы города. Было их много: артиллерийские, авиационные и военно-морские. Сколько их было точно – не знаю. Но помню, что артиллерийских было восемь. Кстати отмечу, что Василий Иванович устроил в нашу 7-ю артспецшколу и Славика, а также в военно-морскую спецшколу и старшего сына – Виталия, который позднее стал флотским офицером – капитаном I ранга.

Дома я уложил в сумку несколько книг, фотокарточки, кружку, ложку, приобретённый где-то армейский алюминиевый котелок с крышкой. Кроме шинели я был одет в тёплые штаны, которые не снимал несколько месяцев, и в валенки с галошами.

Шестого февраля я пришёл в школу. Во дворе стояла грузовая машина, в которую погрузили каптерку и личные вещи наших преподавателей. Нам выдали на дорогу сухой паёк: по большой круглой буханке хлеба и почти полную кружку сливочного масла и сказали:

– Ребята, идите сами на финляндский вокзал. Там вас встретят и подадут вагоны для отъезда.

Вот те на! Я даже не знал, как туда идти. Уже не говорю о том, что туда было просто не дойти. Надо было что-то предпринять. Я попытался залезть в кузов

машины. Не получилось – не хватило сил. Тогда я стал забираться в кузов последовательно: на крыло машины, на двигатель, чтобы потом через кабину забраться в вожделенный кузов. Вдруг пришёл водитель и застал меня на двигателе:

– Ты что тут шkodничаешь? Слезай!

Я слез вниз, на снег. На что было надеяться?

Но Всевышним я был обречён жить! Пришёл Василий Иванович проводить в дорогу Славу. Он посадил в кузов Славу и меня, и мы благополучно приехали в вокзал. Василий Иванович вторично спас мне жизнь! Сам до вокзала я не дошёл бы, как и многие иногородние ребята, которые жили в интернате. Из-за холода и голода они проводили время в кроватях, забравшись под матрасы, и редко вылезали оттуда. Их мышцы атрофировались без движения. Они не могли ни стоять, ни ходить. Надо было спасать ходячих, «боеспособных». Сколько мальчишек осталось – не знаю. Да и кто сейчас это знает?

На вокзале мы разместились в пригородных вагонах (без купе). На дорогу нам дали по столовой ложке гематогена, и поздно вечером (в сумерках) мы отправились в неизведанное.

Ночью прибыли на берег Ладоги. Холодно, ветрено. Было сказано:

– Ребята, пока везти вас на Большую землю – нет машин. Будут позднее, только ночью. А пока идите в здание школы.

Бывшая школа, которая силуэтом виднелась в темноте, оказалась трёхэтажным зданием без окон и дверей (сказывалась прифронтовая зона). В длинных коридорах – снег, сквозняк. На счастье, во втором этаже в одной из комнат была кирпичная печка.

Ребята, которые покрепче и деловитее, быстро заделали окна одеялами, где-то раздобыли дровишек, растопили печку. Стало тепло и уютно. Нам со Славой повезло: мы попали в эту комнату. Разместились на полу, прижавшись друг к другу. Но для всех места не хватило. Часть ребят осталась на улице. Возможно, они нашли место, защищенное от ветра. Все ли выдюжили до отправки на Большую землю, знают только ночь, мороз и ветер.

В ожидании машин томительно прошло какое-то время. В тепле мы потихоньку стали дремать. Вдруг объявляют:

– Желающие уехать в открытых машинах – быстро на посадку!

Ребята, которые были покрепче остальных, ушли. Они разместились в кузовах машин, укрылись одеялами и уехали в темноту.

Но вот объявили и нам, что подан автобус. В темноте, точно неповоротливые пингвины, ребята столпились у автобуса. Комбат Журавлев (в школе преподаватель черчения), стоя на подножке с открытой дверью, прежде чем начать посадку, выкрикнул:

– Ручкин, Ручкин, где ты? Иди сюда скорей!

Меня как будто кто-то толкнул. Я выкрикнул:

– Я Ручкин!

Комбат первым затолкнул меня в автобус. Ребята по одному залезли в салон машины. Зашёл и Слава. Разместились, успокоились, поехали.

Прости меня, Ручкин, за эту дерзость! Не моя вина, что тебя не было вместе с нами. Где ты был тогда – неизвестно!

Сколько ехали – не знаю. В дороге где-то застряли, возможно в темноте сползли с накатанной дороги. Судя по звуку работающего двигателя, подошла более

мощная машина, вытащила нас из завала. Вскоре мы были на Большой земле, на станции Жихарево – мы вырвались из кольца блокады! Ура!

Рассвело. В тот день было не пасмурно. Пригрело солнышко, стало не очень холодно.

Обеда нам пришлось ждать долго, до полудня. Точно призраки, мы бродили вокруг столовой у нескольких чахлах деревьев. Наконец в открытой машине привезли хлеб и стали переносить его в столовую. И вдруг, не сговариваясь, наша компания ринулась к хлебному фургону. Мужики в машине цепями отбивались от нас. Все успокоились, но несколько буханок хлеба, упавшие на снег, были нами растерзаны в одно мгновение.

Пригласили на обед в зал. Пола там не было. Наверно, доски пошли на дрова или на постройку блиндажа – враг был так близок! Кое-где среди лежаков на земле были мальчишки в форме ремесленного училища, они погибали. Некоторые из них, подняв голову, немигающими глазами смотрели на нас мгновение и снова опускали голову. Наверно, их привезли раньше нас. Их судьба нам неизвестна, скорее всего погибли.

В длинном зале посередине стоял стол. По обеим сторонам стола – скамейки. На столе и скамейках росли коричневые сосульки от падающих с потолка капель. В зале пар и вкусно пахнет.

На обед кроме ломтя хлеба был борщ и каша с кусочками мяса. Обедали, усевшись на лежаках, сидеть на скамейках никто не рискнул. Подкрепились.

Поздно вечером, опять-таки в сумерках, были поданы вагоны-теплушки. Ехать предстояло только ночью из-за опасности бомбёжки. Но как залезать в вагон – высоко, а сил не хватало? Принесли длинную доску. Кто был посильнее, первым залез в вагон. Потом мы по очереди ложились на доску, снизу нас подталкивали, сверху тянули. Залезли все. С нами в вагоне поселился и комбат Журавлев. Где разместились другие преподаватели – в том числе и женщины – я не знаю.

В вагоне слева и справа – нары. Посреди – железная печурка-буржуйка. Разместились, улеглись, прижавшись друг к другу. Поехали. Ехали по Северной дороге через Волхов, Тихвин, недавно отбитый у немцев, через Ярославль – в Кострому.

В Волховстрой мы приехали утром по высокой насыпи. Слева внизу – посёлок. Топились печки, дым мирно поднимался вверх. Прекрасное зимнее утро! Через приоткрытую дверь ребята заметили, что по улице с лаем бегают собаки, удивились:

– Смотрите, смотрите – собаки. Живут же люди, собак ещё не съели!

В Костроме я почувствовал себя настолько слабым, что еле дошёл до санпропускника. Там мы разделись, сдали одежду для прожарки от вшей, помылись в баньке за много, много дней и приехали на отдых в помещение бывшей школы.

Был предложен хороший обед. Я кое-что поел, и меня с небольшой группой ребят отвели в изолятор на больничный режим.

Дела мои были плохи: кушать я ничего не хотел. Слава приносил мне из столовой большую котлету. Я просил Славу, чтобы он съел её сам.

Так прошло несколько дней. Однажды во второй половине дня в комнату с туполом в руках вошёл мужичок.

– Кто тут Зикеев?

Я пропищал, мол – я. Он, несмотря на возражения: «не хочу уезжать от ребят», завернул меня в тулуп и понёс во двор, где стояла лошадь, запряжённая в розвальни. Ехали по улице. Вечерело. Тихо, ясно, очень мирно. Большое оранжевое солнце опускалось к верхушкам деревьев. Всё предвещало мне надежду на возвращение к нормальной жизни.

В больнице меня приняла шустрая бабулька. Она усадила меня в ванну с тёплой водой – помыть. Я увидел себя: какой же я дистрофик! Колени огромные, кости таза выпирают бог знает куда, и, наверное, так останутся, – думал я.

Я горько расплакался. Бабулька утешала меня:

– Не плачь, милый, всё пройдёт. Мы уже многих таких, как ты, выходили. – Она попоила меня чаем и отвела в палату.

Милая русская женщина! Сколько же питерцев прошли через твои заботливые руки и вернулись к жизни! Низкий тебе поклон!

Медики «посадили» меня только на чай и манную кашу. Вечером сестрички угощали меня пуншем – чаем с добавкой спирта. Питьё мне очень понравилось. Кружилась голова, и я в лёгком забытии погружался в сон. Началось выздоровление.

На одиннадцатый день я, цепляясь за спинки кроватей, стал сам добираться до туалета. Хворь отступала, и мне пунш отменили, наверно, чтоб не спился. Хотя я очень возражал.

Боюсь ошибиться, но, кажется, мне вливали донорскую кровь. Точно не помню.

Без волнения не могу вспоминать доброту костромичей к нам – бывшим блокадникам Ленинграда. Для них мы были как родные. Это был их вклад в большую общую Победу. Низкий поклон!

Ровно через 50 дней меня выписали из больницы. И вместе со мной других ребят. Ребята отдохнули, поправились. Правда, многие из них страдали желудком. Дело в том, что у всех было много денег: родители, отправляя детей, отдавали им все деньги, ведь в Питере их тратить было не на что. Да и просто было некому тратить – блокада продолжалась. А на базаре в Костроме можно было купить столько всего: замороженное молоко, хлеб, картофель, рябина и даже мёд. Хотелось съесть всё. Вот и наедались, а потом болели.

Я включился в школьное житьё-бытьё. Ребята старших классов (1-я и 2-я батареи) пели песни, часто мне незнакомые. Это были так называемые городские романсы. Например:

Жил-был в Кишинёве Борух Пик,
Был очень набожный старик.
Он молиться Богу ходил в синагогу
И трюфного кушать не привык.

И далее, что дочь «Рива вышла в свет и стала «шансонет» ложить спать, когда настанет свет». Или другая:

В Кейптаунском порту,
С какао на борту
"Жаннета" поправляла такелаж.
Но прежде, чем идти
В далёкие пути,
На берег был отпущен экипаж...

И так далее... Одну из таких песенок я запевал потом в строю.

Среди ребят было много по-настоящему талантливых, с хорошими голосами. Многие из них будут потом воевать, и кое-кто из них не вернется домой.

Дни стали длиннее, запахло весной. Мы стали готовиться к отъезду. Куда? Нам пока не говорили.

Но вот объявлен отъезд. Мы опять поселились в теплушках, оставив обжитое место.

На товарной станции шустрые ребята где-то нашли бочку с казеином (столярным клеем). Конечно, казеин из бочки был полностью разобран. Он был очень сухой и жесткий, и мы с опаской стали его пробовать, подолгу гоняя во рту. Потом узнали, что казеин – это обезжиренный творог, и стали его есть без опаски.

Зашипел воздух в тормозах, скрипнули буксы колёс, и вагон медленно поплыл вдоль привокзальных построек. В дороге нам сообщили, что едем в Алтайский край.

Прощай Кострома! Слава тебе, старинный русский город!

Днём проехали города Буй, Шарью. Вдалеке показался самолёт. Все зашевелились – чей? Оказалось, это наш «кукурузник». Ночью повернули к югу. Мы начали постепенно погружаться вглубь нашей необъятной Родины.

Ехали долго, впроголодь. Помню, что однажды на пропитание у меня была только селёдка и свёкла – без корки хлеба. Ребята, имеющие деньги, на некоторых остановках покупали что-нибудь поесть.

На одной из остановок (не знаю – где) мы обогнали состав с немецкими пленными солдатами, одетыми в серо-зелёные шинели и шапки такого же цвета. Из приоткрытых дверей вагонов, опираясь на дверную перекладину, они с любопытством смотрели на нас, изредка переговариваясь. Лица их были серы и строги. Но некоторые улыбались – на фронте они уже не будут убиты. Увозили их на Урал или дальше – в Сибирь.

Через Барнаул, уже ранней весной мы прибыли в Бийск. Здесь узнали, что немцев под Москвой разгромили и погнали на запад. Значит, скоро наш Питер будет освобождён от блокады! Немецкие пленные солдаты, встреченные нами в дороге, были, наверно, из-под Москвы. Никто из нас не мог и думать, что впереди ещё будут битвы на Волге под Сталинградом, на Курской дуге и только потом – снятие блокады с любимого города.

